

ПО НАШЕЙ ПРОСЬБЕ писатель поделился своим творчеством с читателями альманаха «Кузнецкая крепость».

Романы и повести, рассказы и драмы... Когда-нибудь представится возможность прочесть всё это не только на страницах журналов или в отдельных сборниках, но и в хорошо изданном и очень вместительном фолианте, быть может, даже в нескольких томах книжной серии...

Собрание сочинений – ну, что такого!?. Ведь было же, было (*мы пока ещё помним*) не только у классиков, но и всеми признанных талантливых современников. А кто знает, как «раскручиваются» ныне коммерческой рекламой. Правда, – и это известно всем! – времена меняются...

Предлагаем читателям небольшую повесть Константина Шабалдина – одну из творческих фантазий о будущем, вообще-то, не таком уж далёком.

Константин Шабалдин

Старики остаются дома

– Армейский устав, ребята, написан кровью павших бойцов, – менторским тоном сказал Захарчук и долил в чашку кофе из большого термоса. – Служебная инструкция в нашем случае тот же устав, а вы её злостно нарушили.

Ребята сидели вокруг низкого журнального столика, который давно правильнее было бы называть лабораторным. С этим столиком не церемонились: его полировку жгли кислотами, на него капали расплавленным оловом и канифолью, об него даже тушили окурки, а один раз на нём загорелся силовой трансформатор.

Вот и сейчас на него безжалостно ставили железные кружки с горячим кофе.

– Кто в лаборатории ответственный за технику безопасности? – сварливо спросил Захарчук.

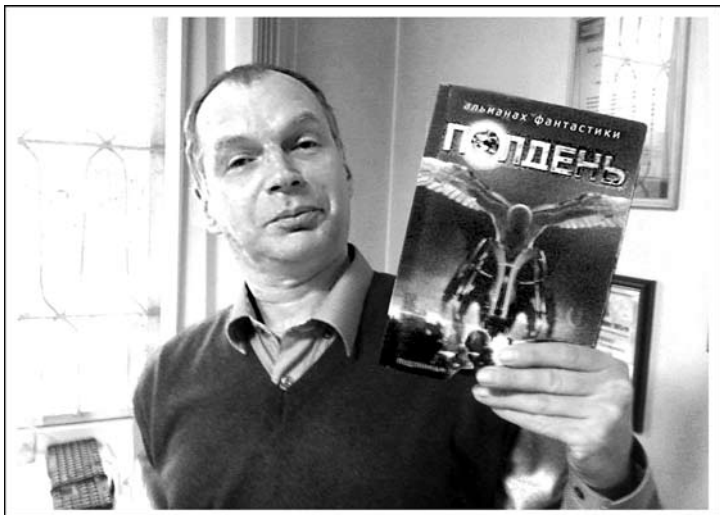
– Я, – угрюмо ответил Лёха и шумно отлебнул из кружки.

Варя с Боцманом переглянулись и торопливо заговорили, перебивая друг друга:

– Дежурный назначался по графику...

– Мы по очереди расписывались в журнале!

– А сегодня мы вообще к работе не приступали, только пришли, а тут такое...

У Боцмана от волнения смешно тряслась неровно подстриженная бородка, но никто не обратил на это внимания.

А Лёха громко брякнул свою кружку на многострадальный столик и сказал:

– Помолчите! Не надо соучастия... Это ведь соучастие получается. Верно я говорю, товарищ начальник службы безопасности объекта?

Он, прищурившись, глянул на Захарчука и тот снисходительно усмехнулся.

– Герой. Значит, не хочешь друзей под статью подводить? А может, наоборот, опасаясь, что за сговор больше срок дадут?

– Слушайте, вы! – Лёха вскочил, а Захарчук продолжал ухмыляться, откинувшись на спинку стула.

Лёха сжав кулаки, несколько секунд смотрел в глаза начальнику СБ, а потом, сунув руки в карманы, стремительно развернулся, так что полы расстёгнутого синего халата разлетелись как крылья, и стремительно пошёл к выходу из лаборатории.

– До прибытия следователя попрошу всех не покидать помещение, – скусающе произнёс Захарчук.

Лёха изо всех сил врезал кулаком по дверному косяку.

Варя с Боцманом сидели, уставясь в свои кружки с остывшим кофе.

Варя тихо сказала:

– Прекратите, пожалуйста... Нельзя так себя вести. По крайней мере, сейчас.

Она кивнула головой на герметично задранный дверцу силового отсека с грубонамалёванным знаком радиационной опасности.

– По крайней мере, когда он ещё там. А мы тут сидим, кофеёк попиваем...

– Прекратите сопли, товарищ мэнээс, – презрительно сказал Захарчук. – В тридцать пятом мы на южной границе из трупов павших друзей брустверы выкладывали. Это было быстрее, чем долбить в камнях окопы. Считайте это кофепитие поминками по вашему завлабу.

– Знаете, Захарчук, – сказал тогда Боцман, – иногда очень хочется дать вам по морде.

Захарчук изменился в лице, но не успел ничего ответить, потому что дверь открылась, и в лабораторию вошёл очень толстый и очень высокий человек.

Он вальяжно огляделся и, дёрнув выбритой до зеркального блеска головой, представился.

– Копалов. Виктор Сергеевич. Следователь ВЧК СССР.

Захарчук вскочил и, заранее протягивая руку, устремился к начальству.

– Захарчук Александр Борисович, начальник СБ. А это, соответственно – Боцман Семён Константинович, лаборант. Трофимов Алексей Юрьевич, старший научный сотрудник лаборатории и Потехина Варвара...

– Игоревна, – подсказала Варя. – Младший научный сотрудник. Соответственно.

– Мы вас только к вечеру ждали, – сказал Захарчук, глядя в оранжевую нашивку на лацкане следователя. Сам он носил точно такую же, но без просвета за ранение.

– Не стал дожидаться, пока оформят спецрейс, и прибыл грузовым дирижаблем, – пояснил Копалов, пожимая руку Захарчуку. – Где воевал, ветеран? Кавказ?

– Нет, конфликт на южной границе.

– А я на Западном плацдарме и ещё с наёмниками нефтяных магнатов дрался.

– В Новосибирске?

– В Томске, – ответил Копалов и прошёл к силовому отсеку. – Там? Ничего не трогали? Кто обнаружил?

– Ну, я, – сказал Лёха. – Заглянул в кладовку, а он за пультом лежит. И не дышит. Синий весь.

– Какую ещё кладовку?

– Мы так силовой отсек называем, – пояснила Варя. – Между собой.

– Вот между собой и называйте, – недовольно сказал Копалов, сиюсья рассмотреть

хоть что-нибудь через крохотное окошечко в бронированной дверце. – Дальше рассказы-вайте!..

– Тело заведующего лабораторией Слепцова нашёл Трофимов, когда утром пришёл на работу, – доложил Захарчук. – Сразу вызвали меня, я проверил, убедился – точно труп. Запер отсек. Понизил температуру. Доложил руководству.

При слове «труп» Варя закрыла лицо ладонями и тихонечко всхлипнула.

– Кто знает о случившемся? – спросил Копалов.

– Знаю я, присутствующие сотрудники лаборатории, директор, – продолжил докладывать Захарчук. – Вы.

– Вот и хорошо, – одобрил Копалов, отлипнув от окошка. – Пока об этом деле никто больше знать не должен.

– То есть как это – «никто»? – удивился Лёха. – Надо же медиков вызвать, причину смерти установить... И вообще, по Закону о доступности информации вы отчёт обязаны будете в открытый доступ выложить.

Копалов подошёл к Лёхе вплотную и с высоты своего роста тихо сказал:

– А вы юноша о соблюдении законности не тревожьтесь, об этом я позабочусь. По долгу службы. И в положенный срок представлю общественности все отчёты о проделанной работе. Скажите лучше: что из лаборатории пропало?

– Да чему там у нас пропадать? – удивился Лёха. – Двум тоннам реголита? Так он на складе.

– А вы проверьте, всё ли на месте, – попросил следователь и спросил у Захарчука, как о само собой разумеющемся:

– Выход с предприятия охраной блокирован?

Захарчук замаялся и с неловкостью ответил:

– Нет, не блокирован. По причине отсутствия этой самой охраны. У нас только сменные вахтёры, которые даже пропуска не проверяют. Я не раз обращал внимание руководства Корпорации, писал рапорты, но было признано нерентабельным.

– Вот как, – задрал брови Копалов. – Значит, убийца может уже на лунной базе гулять?

– Какой убийца? – удивился Лёха.

– Товарищ следователь, это же явно несчастный случай, скорее всего, удар электрическим током, – как маленькому объяснил Боцман.

– Вот откуда у нашей прекрасной молодёжи такое благодушие? – спросил Копалов, задумчиво глядя в потолок. – Такое, я бы сказал, мальчишество, граничащее с преступной халатностью.

– Все сотрудники института – члены Нового Коминтерна, – как о чём-то неприличном сообщил Захарчук. – Кроме меня, директора и вахтёра Синицына, здесь работает одна молодёжь.

– Ах, молодые люди – коммунисты, – с едчайшим сарказмом произнёс Копалов. – Молодые люди строят социализм в возрождённом Советском Союзе... А молодые люди знают, какой уровень секретности был в старом СССР на предприятиях, подобных вашему?

Лёха с Боцманом молчали, а Варя, которая в это время проверяла ящики рабочего стола Слепцова, сказала:

– Пропал рабочий журнал завлаба. Вот в этом ящике всегда лежал, в нижнем. Я иногда в него данные вносила. А сейчас нету.

* * *

– Он допрашивал меня, понимаете? Допрашивал! – возмущалась Варя. – Как будто я в чём-то могу быть виновата, как будто это я Слепцова убила!

– Тише ты! – шикнул на неё Лёха, звякнув оконным стеклом. – Раскудаhtалась. Лестницу держи.

– Когда это он тебя допрашивал? Где? – спросил Боцман.

– В коридоре. Пока вы с медиками суетились. Пока тело выносили... Зажал в углу, здоровенный такой, страшный. И выпытывает, выпытывает. Он мне сначала таким милым казался, на актёра старинного похож из комедии про медведей. А теперь я его боюсь.

– Ты всех боишься, – сказал Боцман, принимая от стоящего на лестнице Лёхи лист оконного стекла. – Следователя боишься, Слепцова боялась. Бабаюшку и того боишься...

– Хватит трепаться, – сказал Лёха. – Я полез, а вы тут поглядывайте. Кстати, Бабаюшка бухать завязал, так что может на обход территории пойдёт.

Он исчез в тёмном проёме окна. Боцман аккуратно прислонил стекло к стене, а Варя продолжала держать лестницу, хотя как раз сейчас в этом не было необходимости. В свете ночных фонарей у неё очень красиво блестели глаза, и Боцман невольно залюбовался.

– А Слепцова я вовсе не боялась, – сказала Варя. – Странилась, так правильное сказать. Какой-то он был... высокомерный.

– Это ты напрасно, – строго сказал Боцман. – У него просто из-за травмы были проблемы с эмоциональной сферой. В детстве ещё попал в аварию, чуть не погиб. Головной мозг оказался сильно повреждён, ему вживили имплантат, протез эмоционального восприятия. Но тогда нейрошунты были ещё очень несовершенные, вот он получился такой... сдержанный.

– Ой, я же ничего этого не знала, – сказала Варя.

Ей стало неловко, и она сменила тему:

– А следователь и про Бабаюшку, кстати, тоже выспрашивал: какая у вас охрана, какие вахтёры, как дежурят, какой график...

– А зачем нам вообще охрана, если в «ящике» работают три десятка ребят и все мы ещё по университету знакомы? У нас же любой посторонний сразу засветится.

– Я ему так и сказала.

– А он?

– А он в глаза смотрит, прямо наизнанку выворачивает. Сразу хочется в каком-нибудь преступлении сознаться.

Боцман хмыкнул, а сверху послышался скрип. Они задрали головы и увидели Лёхин силуэт на фоне звёздного неба. Старший научный сотрудник по пояс высунулся из окна и примеривался что-то кинуть вниз. Как раз над ними в этот момент проходил орбитальный транспортник «Георгий Жуков», образуя над Лёхиной головой радужный нимб.

– Эй, ловите! – шёпотом крикнул Лёха и сбросил в руки Боцману лабораторный журнал. – Стекло подавай! А потом штапики – по одному.

Боцман подавал, приговаривая:

– Это хорошо, что у нас такое здание старинное, а на ремонт вечно денег нет. Стеклопакет мы бы так запросто не вынули.

– Просто и не знаю, что бы мы делали со стеклопакетом, – сказала Варя. – И что с этим следователем делать, тоже не знаю.

– А что ты с ним сделаешь? – спросил Боцман. – Такие уж у него методы работы. Доисторические. Человек старой закалки.

– Прежде всего, его методы расследования тормозят работу лаборатории, – сказал Лёха, спускаясь по лестнице.

– Где уж там тормозят? Скажи прямо: оставилась работа.

– Вот именно. Вы понимаете, что мы можем сорвать старт «Витязя»?

– Что ты предлагаешь?

– Я предлагаю незаметно лестницу опять к общаге отнести, а то хватятся, искать начнут.

* * *

– Налицо грубейшее нарушение правил техники безопасности, – говорил Захарчук, разливая по рюмкам. – Завлаб работал без напарника. Работал с высоким напряжением без защитного костюма. И вообще, работал в выходной день.

– Это меня как раз не касается, – сказал Копалов. – За это пускай ваш директор отвечает. Мне интересней, куда рабочий журнал делся.

– Так сами и притырили! – воскликнул За-

Захарчук. – Смеснули, что ты изымаешь непременно. А там данные по экспериментам. У них же без этого журнала работа вся встанет.

Копалов, поражённый очевидностью догадки Захарчука, лишь хмыкнул и крепко потёр лысину широкой ладонью. Тогда Захарчук заметил, что у следователя нет двух пальцев.

– Скажи мне, брат по оружию, – спросил Копалов, – эти ребята, они – блаженные или прикидываются?

Захарчук пожал плечами и закусил лимоном. Закурил, пуская дым в потолок гостиничного номера, где они со следователем откупили уже вторую бутылку.

– Я тут давеча тебе рассказывал, что охрану сократили за ненадобностью, – сказал начальник СБ. – Это ладно. А вот, к примеру, столовую пришлось закрыть. За ненадобностью. Не ходят они в столовую, бутерброды жрут. Жалко им, понимаешь, рабочее время в очереди терять. По вечерам, опять же, из конторы не выгонишь, волю дай – по ночам будут сидеть. И сидят! За всеми не углядишь.

– Энтузиасты, – с пониманием покивал Копалов.

– Придурки! – выкрикнул Захарчук. – Мне бы такие условия, когда я молодым был. Зарплата у них приличная, цены уже который год стабильные, сам знаешь, медицина, образование – всё бесплатно, жильё – задаром бери, а они... Я же у них ещё и председатель месткома. У Варьки спрашиваю: почему в очередь на квартиру не встаёшь? Она ржёт, я говорит, замуж пока не собираюсь, а в общежитии веселее. Путёвки в санаторий раздать не могу!

– И что бы ты сделал? – заинтересованно спросил Копалов. – Если бы у тебя в молодости были такие условия?

– Да, поверь, я бы уж придумал, как распорядиться! Я бы, может, был сейчас ого-го!

Захарчук пьяно повертел в воздухе пальцами, показывая, каким бы он был.

– Нет, брат по оружию, – задумчиво сказал Копалов. – Не был бы ты ого-го. Ты бы так же бухал, бездельничал и в итоге просто спустил свою жизнь в унитаз. Со всеми возможностями. А знаешь почему?

– Ну, почему это? – обиженно поинтересовался Захарчук.

– Да потому что дерьмо ты. Тупое, жадное, завистливое. А дерьмо, оно при любых возможностях – дерьмо. А эти коммунары, итти их в душу, они лучше нас. Честнее. Правильнее. Светлее.

Захарчук встал, пошатываясь, прошёл к окну, рывком отдёнул пыльную тюлевую штору и дёрнул форточку, выпуская ночной воздух в прокуренный номер гостиницы. Город мигал редкими огнями, на горизонте алело зарево над космодромом.

– Они, может быть, и честные, и очень правильные, – сказал Захарчук и швырнул окурки в форточку, – но я вот тебе, Виктор Сергеевич, документик один покажу, ты его полистай, а после уже делай выводы – кто светлее, кто темнее. А я пока, так и быть, дерьмом побуду.

Он вынул из портфеля, который повсюду таскал с собой толстую тетрадь, протянул Копалову.

– Я там закладочку оставил.

– Что это? – спросил Копалов.

– Дневник Слепцова. Не рабочий журнал, а личный дневник.

– Откуда?

– Пока ты в институте шустрил, я к нему домой в общежитие наведалься, ключи у коменданта взял – ну, и вот.

– Это не законно, – сказал Копалов.

– Конечно, незаконно, – ответил Захарчук.

Копалов вздохнул и открыл тетрадь на закладке.

* * *

«14.07.67. Мучительные головные боли. Работа на стенде требует от меня всё больших усилий, а доверить калибровку лазера своим сотрудникам я не решаюсь. Они хорошие ребята, но слишком молоды и поэтому легкомысленны. В этом деле требуется скрупулёзность на грани мании, а это у меня не отнять. Пожалуй, впервые в жизни моя неспособность к переживанию ярких эмоций (чего уж перед собой лукавить – зануда я, зануда) нашла применение.

17.07.67. Я обратил внимание на закономерность между работой генератора и головной болью. Очевидно, что при определённых частотах вживлённый в мой череп имплантат входит в резонанс с установкой, и в этом причина моего болезненного состояния. Загруженность лаборатории текущей работой ставит под сомнение возможность выполнения производственного плана. Буду работать по выходным.

20.07.67. Со свойственной мне педантичностью пытаюсь установить зависимость между параметрами электромагнитного поля и поведением имплантата. Данные вношу в рабочий журнал. Забавная кривая вырисовывается на графике. Жру обезболивающие и стимуляторы, работаю по ночам. Убил бы вахтёра...

22.07.67. Старый алкоголик по кличке Бабаюшка. Я мешаю ему напиваться на дежурстве, и он всеми неправдами пытается закрыть мне доступ в лабораторию во внеурочное время. Жалуется Захарчуку, скотина.

25.07.67. Невероятно. Этого не может быть, надо всё проверить.

28.07.67. Строго факты. Три дня назад, заканчивая под утро работу на стенде, пребывая в прекрасном настроении от удачно проведённого цикла испытаний, я в шутку произнёс нечто вроде молитвы – пусть всё идёт по плану и пусть Бабаюшка бросит пить. Уже вечером я обратил внимание на неадекватное состояние нашего вахтёра. Бабаюшка покинул пост (фанерную будку), и слонялся по институту с изумлённым видом. Казалось, он не понимает, где находится.

Ночью он поднялся ко мне в лабораторию, но не стал, как обычно склочничать, а очень вежливо расспросил о теме наших исследований, внимательно выслушал и тихо удалился, пожелав мне удачи. Самое невероятное, что от него совершенно не пахло.

Я удивился, не придав инциденту особого значения, но картина, свидетелем которой я стал, покидая институт, потрясла меня. Я видел, как Бабаюшка сидел перед непочатой бутылкой, горько плакал и бормотал что-то вроде: «Ненавижу, проклятая, всё из-за тебя».

Будь я обычным обывателем, возможно этот казус не вызвал бы ничего, кроме злобно-веселья. Но я учёный и не мог отмахнуться от возможности, пусть и совершенно невероятной, что моё желание, произнесённое накануне, исполнилось.

Я провёл эксперимент. Настроить установку на параметры, задействованные при произнесении гельштадта, не составило труда.

Я пожелал яблоко. Результат отрицательный. Я пожелал десять рублей. Результат отрицательный. Я сосредоточился и пожелал, чтобы Варя Потехина перестала опаздывать на работу.

Всю ночь я мучился сильнейшей головной болью, а бедная девочка примчалась в лабораторию ни свет, ни заря и весь день ходила сонная. Это был положительный результат, но я рано радовался. На следующий день Бабаюшка ушёл в отчаянный запой. Необходимо большее количество опытов для определения тенденции.

02.08.67. Всё проще и сложнее одновременно. Я пришёл к выводу, что установка непонятным пока образом транслирует мои пожелания по реморализации объекта и фиксирует у реципиента на непродолжительное время поведенческую корреляцию. Причиной, безусловно, является бракованный имплантат, вживлённый мне в детстве. Его функция стимулировать атрофированную у меня в результате аварии способность к эмоциональному восприятию. Но под воздействием работы установки он влияет на подсознание людей, которые чем-то меня раздражают.

Как учёный я обязан прогнозировать последствия моего открытия. Перспективы оше-

дьяющиеся. Если я научусь воздействовать на многочисленные группы и фиксировать подвижки в психике, в эмоциональной сфере, мне станет по плечу реморализация человечества.

А почему бы и нет? Чем я хуже Иисуса?

Надо тренироваться.

Начнём с Бабаюшки...»

* * *

Утром следователь вызвал сотрудников лаборатории в кабинет директора, спешно убывшего в командировку на лунный стартовый комплекс.

Копалов сидел за массивным директорским столом, а Варя с Боцманом, не поздоровавшись, с интересом изучали обстановку кабинета. Обстановка была спартанской.

– Товарищи, я не ожидал от вас такого безответственного поведения, – сказал Копалов и побарабанил пальцами по столу. – Совсем не этого я от вас ждал.

Если бы Копалова спросили, а чего собственно он ждал от товарищей, Виктор Сергеевич вряд ли нашёлся бы, что ответить. Вид он имел помятый и часто отхлёбывал воду из горлышка пластиковой бутылки. Он краснел лысиной и потел лицом. Больше всего ему хотелось сто граммов и горячую котлету.

Коммунары, похоже, это понимали и не давали провокационных вопросов. Варя смотрела на следователя с жалостью, а Боцман с некоторым одобрением.

– Поправьте меня, если я ошибусь. Цель ваших исследований лежит в сфере термоядерного синтеза? – спросил Копалов.

– Скорее, в сфере термоядерного двигателя, – сказал Боцман.

– Скорее, в сфере межпланетных сообщений, – сказала Варя.

– Мы работаем над оптимизацией процесса получения гелия-3 из лунного грунта, – пояснил Боцман. – А гелий-3 это горючее для больших-больших ракет с большими-большими моторами.

– Не надо ёрничать, Семён Константинович, – строго сказал Копалов.

– Виктор Сергеевич, «Витязь» стартует к Марсу через полгода. Мы должны успеть разработать оптимальную технологию получения топлива, – очень серьёзно ответил Боцман. – Понимаете, товарищ следователь ВЧК СССР? Должны!

– Особенно теперь, когда погиб Коля, – добавила Варя.

– Да?.. А мне известно, что отношения с завлабом у вас были натянутые, вы с ним не ладили.

– Какое это имеет значение? – удивился Боцман. – Работа есть работа.

Копалов внимательно посмотрел на него, как бы раздумывая – а надо ли им объяснять, что иногда это имеет очень большое значение? Что иногда ловко подсунутая анонимка, шепоток в ухо начальства, как бы невзначай брошенное слово, могут сильно влиять не только на результат работы, но и на судьбу человека?

– Я понимаю, что всё это строго секретно, но вы же можете, не вдаваясь в детали, просто объяснить мне, как это выглядит. Что конкретно происходит в силовой камере? – спросил Копалов.

– Конечно, почему нет? – пожал плечами Боцман. – Кстати, не так уж это секретно, на подобных установках работают сейчас и китайцы, и американцы. В чём-то наверняка опережают нас.

– Нельзя ли ближе к сути?

– Да всё очень просто: в мощном магнитном поле помещается порция реголита, по которой мы долбим из лазера.

– И всё? – разочарованно протянул Копалов.

– Всё, – подтвердил Боцман. – Только для того, чтобы найти оптимальное соотношение количества руды, параметров магнитного поля и мощности лазера, необходимы километры вычислений, тонны расчётов и сотни тысяч экспериментальных залпов!

– Бо-о-оцман, – укоризненно протянула Варя.

– Что?! А, ну да. Простите, я увлёкся. Конечно, не сотни тысяч, достаточно трёх-четырёх сотен. Это многое меняет?

– Для меня нет, – сказал следователь.

Всё было ясно. Он решил закругляться и строго взглянул на Варю и Боцмана.

– Спасибо, товарищи. Вы мне очень помогли в расследовании. А теперь верните мне рабочий журнал Слепцова.

Вари и Боцман молчали с невинным видом, и тогда Копалов повысил голос:

– Вы поняли? Шутки кончились.

Тогда Варя сказала:

– Он у Лёхи.

– Очень хорошо. А где Лёха?

– Он... он в силовой камере.

– Что?!!

– Ну, да. Он решил сам попробовать. Как Коля.

– А ну бегом туда! Вы сдурели? Он же погибнет. Как Коля!

– Мы ему говорили, но Алексей взял журнал и заперся в камере.

Копалов сорвал трубку интеркома:

– Захарчук, твою мать! Вырубай электропитание по институту! К рубильнику беги, говорю. Что? Да хоть топором руби!

– Там есть аварийное автономное питание, – быстро сказала Варя.

– Эххх, – только и сказал Копалов и, выскочив из кабинета, побежал по коридору.

Он был очень толстый, но бежал очень быстро.

* * *

Начальник безопасности и следователь прогуливались по набережной. День выдался жаркий и оба они скинули свои строгие пиджаки и распустили галстуки.

Копалов сказал:

– Я успел вовремя, на пару минут позже у нас был бы новый труп.

– Без имплантата Трофимов не протянул бы и пары минут, – проворчал Захарчук. – Значит, всё-таки несчастный случай?

– Да, Слепцов надорвался, пытаюсь реморализовать Бабаюшку.

– Ну, теперь пока не удастся воссоздать «эффект Слепцова», работу на стенде заморозят. А воссоздать его будет невозможно, потому что имплантат в его башке был с браком, а значит уникальный.

– Да, имплантат сгорел, как негодный предохранитель. Но не в этом дело. В отчёте я укажу смерть от естественных причин, – сказал Копалов.

– Как это? – поразился Захарчук. – Хочешь замять это дело? Нет, так нельзя, ты же при исполнении!

– Лаборатория должна работать, выполнять план, – твёрдо сказал Копалов. – Сейчас самое важное – старт «Витязя». А реморализация человечества подождёт. Да и нужна ли она нам?

– Мне дела нет до лаборатории и до человечества! Есть инструкция, а ты хочешь её разрушить. Имей в виду, я молчать не буду.

– Не будь ты дерьмом, Саня. Не мешай ребятам строить светлое будущее. Пойдём лучше выпьем, – Копалов облапил Захарчука за сутулые плечи и потянул в сторону пивной.

– Нет, погоди, – Захарчук вырвался. – Значит, пусть гибнут дальше?

– Что значит, пусть гибнут? Пусть работают, набирают материал, исследуют. Повторить эксперимент, конечно же, не удастся: «Феномен Слепцова» невозможен без имплантата Слепцова. Но явление эмпатического резонанса надо исследовать. Но позже. Не пришло ещё время.

* * *

– Очень глупо получилось, – сказала Варя.

Она лежала на траве, на берегу широкой реки, закинув руки за голову, и наблюдала за эшеломом дирижаблей в синем безоблачном небе. Больше всего дирижабли напоминали гигантских нарвалов.

– Мы рвали жили, выполняя план, а китайцы всё равно нас опередили...

– Да, нашу схему они применили на две недели раньше, – согласился Боцман и плавно повёл спиннингом.

– Почему нашу? Свою! Они же не виноваты, что их принцип магнитной ловушки совпал с нашим.

– Конечно, не виноваты, – согласился Боцман, подтягивая к берегу крупного судака. Не такого, как нарвал, но тоже очень приличного.

Лёха осторожно подвёл сачок.

– Никто не виноват... А Коля погиб. И теперь получается, что погиб он напрасно.

– Не смей так говорить! – крикнул Лёха и швырнул сачок в воду.

– Ну, вот – сорвалась, – печально произнёс Боцман.

– Смотрите! – сказала Варя, показывая пальцем.

Недалеке по набережной шли, сильно шатаясь, Копалов и Захарчук. Они что-то пели, но ветер относил слова, и слышалось лишь: «Сверкая блеском стали»... Ребята не знали этой песни.

– Гуляют деды, – с уважением сказал Боцман. – А нам и гульнуть толком не на что, премию теперь не получим.

– Брось. Ты же не об этом думаешь. Зачем тебе премия? – спросила Варя.

– Он машину купит, – сказал Лёха. – Роскошный электрокар. И все девушки в городе его будут.

– Ну, девушки это вряд ли, – засмеялась Варя. – Теперь красивой тачкой только пенсионерку можно соблазнить.

– О, я бы новый осциллограф купил, – Боцман мечтательно закатил глаза. – Старый совсем не тянет.

– А ты бы что купила? – спросил Лёха у Вари. – Тачку тебе не надо... Сразу дирижабль подавай?

– Мне бы одно место на «Артур Кларк», – серьёзно сказала Варя. – Но его ни за какие деньги не купишь.

– Первая звёздная? – с пониманием спросил Боцман.

– Да, первая звёздная. А что? – с вызовом спросила Варя.

– Ничего, – ответил за Боцмана Лёха. – Будет ещё и вторая звёздная и третья. На наш век звёзд хватит.

– Я думаю, никого из старшего поколения нельзя брать в первую звёздную. Ни во вторую, ни в третью. Их нельзя пускать на звёзды. Никого из этих, – сказала Варя и снова показала на плавно удаляющихся Копалова и Захарчука.

– Как так? – удивился Боцман.

– Понимаете, мальчики: они привыкли, что всё плохо, – сказала Варя. – Их нельзя за это винить. Их слишком много обманывали, у них рушились надежды и погибали друзья. Они голодали и их предавали. Они жили, не веря в завтрашний день, без будущего. И теперь по привычке не верят, что может быть хорошо. Они привыкли, что всё плохо-плохо-плохо, и только так умеют жить...

И вот прилетаем мы к другим звёздам, открываем прекрасные новые миры, встречаем братьев по разуму, и тут – опаньки! – вылезает из анабиоза заспанное мурло Захарчука и видит, что всё хорошо. И ему от этого очень плохо, это ему подозрительно, он не может в это поверить. Он начинает искать врагов и раскрывать несуществующие заговоры. И что мы с ним будем делать, когда вокруг всё действительно прекрасно?

– Уговорила. Старики останутся дома, – сказал Боцман. – Мы не возьмём их к звёздам.

– Не возьмём, – подтвердил Лёха.

– Но что мы будем делать без стариков среди прекрасных далёких миров, если там вдруг окажется плохо? – спросил Боцман.

